палаты было решено рассматривать эти дела не в Кишиневе, где как предводитель дворянства, так и городской голова и его товарищи были свидетелями беспорядков и присутствие их в составе судебной палаты могло бы возбудить нежелательные нарекания, а в другом городе, а именно в Тирасполе, Херсонской губернии, отстоящем недалеко от Кишинева; причем первым рассмотреть главное дело о беспорядках в Кишиневе, которое охарактеризует всю картину разгрома, а затем уже разрешать другие дела. Я не знаю только, в состоянии ли будет судебная палата, в наличном ее составе и при обилии других дел, рассмотреть в скором времени все эти дела без ее усиления несколькими членами. По всей вероятности, все дела о беспорядках к сентябрю месяцу поступят уже в палату.

Прокурор судебной палаты А.Поллан
Секретарь [подпись]

МИАПР. Т. I. С. 170–171

№ 54

СТАТЬЯ К.КАУТСКОГО[1] "КИШИНЕВСКАЯ РЕЗНЯ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС"

15 июня 1903 г.

Редакция газеты "Przeglag Socjaldemokraticzny" (Орган Социал-Демократии Русской Польши и Литвы) предложила мне высказаться по поводу кровавой бойни в Кишиневе. Не легко, удовлетворяя этому желанию, удержаться от выражения вполне понятного чувства отвращения перед ужасающими зверствами. Трудно думать спокойно и трезво о событии, одна весть о котором леденит кровь в жилах и в то же время разжигает нашу ненависть к его виновникам. Кроме того, всякому нерусскому трудно понять особенности положения еврейства, с одной стороны, и антисемитизма в России – с другой.

Уже западноевропейский антисемитизм есть крайне сложное явление. Сами антисемиты, – поскольку они вообще раздумывают над своими действиями, что с ними случается довольно редко, – стоят на почве расовой теории: в своей ненависти к евреям они видят закон природы; еврейская раса, по их мнению, уже от природы своими особенностями обречена на то, чтобы внушать всякому неиудею чувство ненависти и желание ее преследовать. Еще более мистична точка зрения либерального филосемитизма, видящего во вражде к евреям только продукт народного безумия. В противоположность этим воззрениям все более и более распространяется воззрение социалистическое, рассматривающее современное антисемитическое движение как часть классовой борьбы, как продукт борьбы разоряющихся народных слоев, доведенных до отчаяния. Погибающее ремесло борется с крупной промышленностью и посредничеством; мелкие торговцы – против крупных торговых домов; запутавшийся в долгах крестьянин – против

ростовщика и торговца, в особенности торговца скотом и зерном. Падение этих слоев все более и более выбивает их молодое поколение из прежней (отцовской) колеи и гонит в ряды интеллигентных профессий, вызывает уже теперь переполнение этих профессий. Все эти слои настраиваются враждебно против еврейства, являющегося в их глазах представителем торгового и денежного капитала, в то же время выделяющего и в ряды интеллигенции многочисленные и подвижные элементы. Уничтожение (Niederschlagung) еврейства представляется этим слоям лучшим средством положить конец их собственному бедственному положению.

Это объяснение западноевропейского антисемитизма нашего времени должно быть признано правильным, но его недостаточно, так как возникает вопрос, почему же именно евреи являются избранными представителями торгового и денежного капитала и интеллигенции. Имеем ли мы дело действительно с особенностью еврейства, и вытекает ли эта особенность из его расового характера? Она не есть нечто кажущееся, а существует в действительности, но зависит ли она от характера еврейской расы, можно было бы решить, только зная в точности, что такое собственно раса. Но нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера.

Мы застаем евреев в Палестине владетелями горной области, с известного момента оказавшейся недостаточной для того, чтобы обеспечить своим обитателям такое же удовлетворительное существование, каким пользовались их соседи. В подобных условиях народ обращается либо к грабежу, либо к выселению. Так, шотландцы прибегали вначале к первому, впоследствии – ко второму выходу. После долгой борьбы с соседями на путь выселения вступили и евреи. Но горные страны с их замкнутыми долинами кладут глубокий отпечаток на их население: нелегко приспособляясь к новой среде, оно и на чужой стороне не изменяет наследственным обычаям и нравам и не только не чувствует себя там хорошо, но все время стремится на брошенное место. Выходцы этих стран идут за пределы Родины не затем, чтобы там оставаться, но только затем, чтобы возможно скорее возможно больше скопить богатства и вернуться с ним на родину. Не как оседлые земледельцы или основатели городов идут они в чужие страны, но как наемные авантюристы, подобно жителям Аркадии в древности, швейцарцам – в средние века и албанцам в Турции – в наше время, – либо как торговцы: таковы евреи, позднее – шотландцы, теперь – армяне. Мы видим, что одинаковые условия развивают у народов различных рас одни и те же особенности, одни и те же черты. Но помимо этой особенности, общей у евреев с другими горными племенами, в течение исторического развития евреев постигла судьба, какую ни одному народу не пришлось переживать: это – изгнание их с их собственной родины. На своей родной земле еврейство было истреблено и с тех пор живет на чужбине многочисленными колониями выходцев. Таким образом евреи перестали существовать как нация, так как нация немыслима без определенной территории. Они стали племенем единственным (если не принимать во внимание мелких племен, лишенных всякого исторического значения, как цыгане), живущим как чуждый пришелец среди чуждого ему населения, с сильно развитым тяготением к родине, но лишенным ее; беззащитным, как пришелец, повсюду, часто только терпимым, часто

преследуемым, не имеющим прибежища, где оно не было бы бесправно, где оно могло бы находить покой и безопасность. Наконец, это было единственное племя, в котором отсутствовал земледельческий элемент, – племя, скоро уже два тысячелетия живущее исключительно в городах, а где оно в немногих случаях решалось обосновываться в деревнях, существовавшее и там городскими промыслами. Торговля деньгами и товарами и интеллигентные профессии, то есть такого рода деятельность, которой уже и раньше занимались эмигрировавшие с родины их выходцы, стали теперь единственными источниками существования для всего еврейства. В течение средних веков, с их тенденцией к сословному разделению классов и занятий, фактическое ограничение евреев известными занятиями и местностями приняло форму ограничений юридических. Следствием этого было то, что у оторванного от массы населения еврейства развились его особенности гораздо в большей степени, чем то соответствовало бы его природе; эта замкнутость обострила и углубила обособляющие его черты и прибавила к ним целый ряд новых. Евреям было запрещено смешиваться с деревенским населением, свежая крестьянская кровь которого постоянно обновляла физически прочее городское население, правда – внося в него в то же время элементы духовной неподвижности и отсталости. Этим было затруднено развитие их физической силы, но тем быстрее шел рост их интеллигентности и умственной живости. Неудивительно, что и теперь еще, когда в Западной Европе пали все правовые перегородки между евреями и остальным населением, мы находим евреев в особенно большом числе и особенно преуспевающими среди капиталистов и интеллигенции. Столь же малоудивительно и то, что умственно неразвитые слои населения, – сюда относится значительная часть интеллигенции, идущей в учебные заведения только в погоне за хлебом, а не из-за жажды знания, – что эти слои, стесненные капиталом и переполнением либеральных профессий, видят в евреях не только олицетворение гнетущих условий, но и исключительную причину своих бедствий.

Но для России это объяснение антисемитизма кажется мне недостаточным. Там, например, не наблюдается перепроизводства интеллигенции, а скорее, наоборот, недохватка интеллигентных сил. Этому надо приписать то, что в России учащаяся женщина находит себе горячий прием как помощница, в противоположность Германии, где мужская часть интеллигенции настроена по отношению к ней враждебно, видя в ней конкурентку. В Западной Европе одни и те же слои интеллигенции являются и наиболее ограниченными противниками женского образования и ожесточенными врагами евреев.

Но в России еврейство охватывает не только по преимуществу капиталистов и представителей интеллигентных профессий, как в Западной Европе, но и все городские классы, также ремесленников и пролетариев, в их числе беднейших из бедных. Как могла народная ярость обрушиться на этих последних?

Для того, чтобы объяснить русский антисемитизм, надо принять во внимание не только особенности еврейского населения, но также и своеобразное положение всего русского народа,

Люди, живущие в примитивных – традиционных – отношениях, отрезанные от всего мира, видят в самих себе меру всего человеческого. Их среда, их мышление, их язык – представляются им чем-то естественным, и, наоборот, все отклоняющееся – противоестественным, отвратительным.

Поэтому такие люди обычно относятся к чужим недоверчиво и даже враждебно, несмотря на отсутствие противоположности интересов, не считают их за людей с теми же человеческими чувствованиями и не останавливаются ни перед какими жестокостями по отношению к ним, жестокостями, которые в применении к своим – людям той же расы – показались бы всякому ужасными.

Менее всего эта враждебность относится, конечно, к тому чужестранцу, с которым приходится сталкиваться случайно и который так же быстро исчезает, как и появляется. Как курьез, он может возбудить гораздо больше любопытства, чем нерасположения. Где, наоборот, чужестранец чужд настолько, что отличается от массы населения обычаями, верою, языком и всем обличьем и где в то же время он является не случайным гостем, а соседом, с которым население постоянно сталкивается и стоит в тесном экономическом общении, носящем по общему правилу враждебный характер в обществе, основанном на экономических противоречиях, где недоверие и нерасположение постоянно обостряются всякого рода столкновениями на почве ежедневных вынужденных сношений, – там эта враждебность к чужакам легко принимает опасные формы.

В восточной Европе это относится к евреям, но нечто подобное мы можем наблюдать и в других местах, где на одной и той же территории живет несколько различных племен. Добрую часть национальных конфликтов в Австрии и в Турции можно приписать именно инстинктивному отвращению некультурного населения к чуждым ему соседям. Так, в Соединенных Штатах, на юге, ненависть к неграм часто выливалась в формы, подобные еврейским погромам в России.

Чем может быть устранена эта враждебность?

Только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это – единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности. Но она является продуктом тысячелетнего развития, и ассимиляция с прочим населением не создается одним ударом. Пока же эта обособленность существует, только одно средство мы можем ей противопоставить – это просвещение народных масс. Конечно, просвещение следует понимать не в смысле излияний перед народом своего морального возмущения против антисемитизма, этого позорного пятна нашего времени. Мир чувствований человека не изменить путем увещаний. Поскольку он вообще изменчив, а не замкнут в рамках врожденных свойств, – его создает сама жизнь. И кто хочет изменить этот мир человека, тот должен внести новое содержание в его жизнь. Точно так же и там, где ненависть к евреям глубоко вкоренилось в народное чувство, она может быть устранена лишь просвещением, вносящим новое содержание в народную жизнь.

Если некультурного человека и его чужака-соседа не разделяют глубокие классовые противоречия, то его враждебность к последнему легко исчезает по мере того, как расширяется его горизонт и он проникается воззрениями и потребностями, прежде ему чуждыми, как скоро он перестает принимать перешедшее к нему от отцов за нечто непреложное, по мере того, как он научается видеть в этом духовном наследии тормоз своему развитию. Одним словом – по мере того, как из человека примитивного, живущего

бессознательной жизнью, по готовым меркам, вырабатывается мыслящий революционер. Революционное мышление делает человека терпимым ко всякому чужестранцу, не-врагу, и только просвещение, способное пробудить в народной массе революционное сознание, сможет победить его антисемитизм, поскольку он является лишь инстинктивным чувством враждебности, результатом первобытной ограниченности кругозора.

Наряду с ассимиляцией еврейства, революционное сознание массы есть лучшее противоядие против антисемитизма. Уже с давних пор в Западной Европе всякий класс, революционно настроенный, стремившийся избавиться от пережитков прошлого, не только не проявлял вражды, но, наоборот, выступал с симпатиями к еврейству. Соответственно этому самые глубокие и смелые мыслители еврейства постоянно воспринимали революционное сознание своего времени, что, однако, для них было возможно только тогда, когда они порывали с традициями еврейства и становились на почву общеевропейского культурного развития. Эта тесная связь между революционным чувством и эмансипационными стремлениями еврейства не осталась незамеченной правительством разных стран, в том числе и русским. Поэтому-то оно ненавидит и преследует еврейство ничуть не менее революционных течений и делает все возможное, чтобы раздуть и усилить в населении ненависть к евреям. И правительство поддерживает эту ненависть не только тем, что отрезывает народу все пути к просвещению, которое могло бы внести в народную жизнь новое содержание, – оно мешает всякому сближению коренного населения с еврейским, не допускает их смешения и своими действиями прививает народным массам убеждение, что еврей бесправен, что он стоит вне закона и вне общества. И когда народные массы, доведенные нуждою до отчаяния, выливают его в диких вспышках, слуги царя направляют народное возмущение на еврейство. Евреи служат как бы громоотводом для тех бурь, которые скапливаются над головой самодержавия. Погромы и избиения евреев есть единственное народное движение, разрешенное русским правительством.

Когда год тому назад градоначальник г. Одессы, граф Шувалов, узнал о предполагаемой на 1 мая демонстрации, он призвал к себе еврейских рабочих и пригрозил им, что он обратит демонстрацию в еврейский погром.

В этом году кишиневская резня возникла как раз вовремя, чтобы помешать празднованию 1 мая. В Киеве наши русские товарищи в своей прокламации прямо говорят, что в виду настоящего настроения народных масс они отказываются от демонстрации 1-го мая и призывают киевских рабочих защищать евреев при могущих возникнуть еврейских беспорядках.

В Кишиневе рабочие также пытались защищать евреев, но они были разогнаны вооруженной силой, той самой вооруженной силой, которая спокойно смотрела на грабителей и убийц; и не кто иной, как полицейские, предводительствовали шайками громил.

Евреи в России имеют только одного верного друга – это революционное движение. Оно деятельно работает против антисемитизма, разъясняя массам их истинные интересы и показывая им их истинных врагов; еще сильнее подрывает оно антисемитизм тем, что выводит массы из их узкого кругозора, прививает им новые потребности, новые воззрения, общие всем культурным людям, будь то еврей или не еврей, – наконец, тем, что совместной работой объединяет в общей классовой борьбе еврейских и нееврейских рабочих.

Напротив, сионистское движение может только усилить вражду к евреям

в народных массах, поскольку оно увеличивает обособление еврейства от остального населения и все более делает евреев чуждым племенем, которому нечего добиваться на русской почве. Этим оно, помимо желания, играет в руку царизму, и потому правительство терпело его до сих пор. Теперь, конечно, большинство сионистов излечится от надежд, возлагавшихся ими на царя.

Не подлежит никакому сомнению, что главным виновником кишиневских убийств является русское самодержавное правительство; косвенно оно виновато тем, что умышленно держит народные массы в невежестве, тщательно изолируя их от остального мира и от всяких новых "идей"; прямым же виновником оно является в лице своих местных органов, которые были деятельными подстрекателями массы в кишиневском погроме. Но существует и другой виновник этих ужасов. Уже давно русский царизм пал бы под тяжестью своих прегрешений, если бы он не находил себе постоянно моральной и финансовой поддержки в Западной Европе. Правительства наиболее передовых культурных государств Европы поддерживают систему, плодящую такие позорные явления; Французская республика вступает с царизмом в союз, "товарищ" Мильеран[2] целует ему руку. Не менее услужливой перед царизмом выказала себя и "большая" пресса Европы, и при любезном содействии правительства и прессы западноевропейские финансисты всячески старались, чтобы русский царь при каждом займе получал ровно столько, сколько ему было нужно для того, чтобы отсрочить банкротство своего режима. Эта пресса и этот финансовый мир, – а ведь о переполнении этих сфер иудеями так много кричат наши антисемиты, – прекрасно знают, кого они поддерживают. Ведь царизм никогда не делал тайны из своей вражды к евреям, и достаточно часто он проявлял ее разными законными и незаконными преследованиями евреев. И если, несмотря на это, финансисты всегда приходят на помощь царизму с новыми миллиардами, то этим они ясно доказывают, что капитал и его слуги плюют на всякую гуманность там, где им в перспективе виднеется прибыль; они доказывают также, как мало значит принадлежность к одной расе, как мало евреи России могут ожидать от еврейского капитала Западной Европы. И пусть русское еврейство не даст себя обмануть теми воплями, которые теперь подняла капиталистическая пресса. Европейский капитал будет продолжать поддерживать царизм, как он поддерживает и румынское правительство. В позорном кишиневском событии часть вины падает и на безразборчивость интернационального еврейского капитала и его органов. Еврейская солидарность, солидарность евреев всех классов, становится пустым звуком, лишь только дело идет более чем о грошевой милостыне, лишь только приходится сообща выступать против могущественного противника.

Подлинной, действительной является лишь солидарность пролетариата всех языков, всех наций. В классовой борьбе социалистического пролетариата исчезает глубоко вкоренившаяся противоположность между неграми и белыми в Америке, между иудеями и "арийцами" в Европе.

Только в этой солидарности почерпнет еврейский пролетарий силу, способную дать ему защиту от его притеснителей. Чем сильнее будет социалистическое движение, тем менее может опасаться все еврейство в целом, что направленная по ложному следу ярость отчаявшихся народных масс обрушится на еврейское гетто вместо того, чтобы обратиться против своего истинного врага – самодержавия, этого защитника всякого варварства.

И пусть солидарность между еврейским и нееврейским пролетариатом в России сделается еще теснее, чем была доныне, – пусть она будет результатом этой ужасной кровавой кишиневской драмы, чтобы хотя не даром была пролита кровь несчастных кишиневских жертв.

Искра. 1903. 15 июля. № 42

---

[1]Каутский К. – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала.

[2]Мильеран А. – социалист-реформатор. Был исключен из французской социалистической партии за участие в буржуазном правительстве. В 1920–1924 гг. – президент Франции.

№ 55

ПИСЬМО АДВОКАТА Л.Б.ГОЛЬДЕНШТЕЙНА ПРИСЯЖНОМУ ПОВЕРЕННОМУ А.С.ЗАРУДНОМУ О СБОРЕ ПРИЕХАВШИМИ АДВОКАТАМИ СВЕДЕНИЙ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОГРОМА, О ПОПЫТКАХ ОБЖАЛОВАТЬ НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ О.Г.ФРЕЙНАТА*

18 июня 1903 г.

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Сюда приехали господа Бомзе[1] и Волькенштейн[2]. Первый, исходя из того, что параллельное предварительное следствие, проводившееся до сих пор нашими товарищами (преимущественно киевлянами), ничего не сделало в качестве раскрытия организации, выразили желание вновь начать ту же работу, т. е. опрос потерпевших в большом числе, причем он предполагает, что опрос будет вестись теперь тщательнее, и тогда раскроются иные данные и доказательства существования организации. Сомневаюсь в исполнимости такого предприятия как потому, что народ перестал ходить к нам и вновь собрать и вызвать несколько сот потерпевших и свидетелей – по моему мнению – невозможно, так и потому, что не здесь, не в опросе потерпевших и их свидетелей надо искать следов и доказательств организации. Я высказал свои сомнения господину Бомзе, но он все же желает попытаться. Пусть попробует хотя бы для того, чтобы на опыте убедиться, что мои соображения основательны.

Волькенштейн от имени петербургских товарищей предложил находящимся здесь киевским товарищам сейчас же заняться приглашением сюда группы присяжных поверенных – защитников громил с тем, чтобы эти защитники теперь же приехали в Кишинев и теперь же вошли в непосредственные сношения с обвиняемыми для того, чтобы от последних добыть по возможности все доказательства существования агитации до погрома и организации во время погрома. Все товарищи киевские вместе с Волькенштейном обратились сегодня

---

*Письмо отправлено из Кишинева.